

Читайте в серии:

КНИГА 1. ТЕОДОСИЯ И СЕРДЦЕ ЕГИПТА

КНИГА 2. ТЕОДОСИЯ И ЖЕЗЛ ОСИРИСА

КНИГА 3. ТЕОДОСИЯ И ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ

КНИГА 4. ТЕОДОСИЯ И ПОСЛЕДНИЙ ФАРАОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мерзопакостный ридикюль

Ноябрь 1907

Песок каким-то непонятным образом просачивался сквозь плотно закрытые окна вагона и скапливался в самых, как бы это сказать, неподходящих местах. Неловко поерзав на сиденье, я сдула пыль со своего блокнота и снова уставилась на только что исписанную страничку. Когда я делаю такие записи, мне лучше думается.

«Что мне нужно сделать в Египте

1. Избегать встречи с мерзкими Змеями Хаоса. Это члены тайного общества, которые намерены завладеть любыми проклятыми артефактами, чтобы использовать их в своих гнусных целях.

2. Найти в Луксоре майора Гарримана Гриндла. Это мой связной с Братством Избранных хранителей, группой благородных людей, стремящихся воспрепятствовать Змеям Хаоса.

3. Помочь маме найти храм Тутмоса III. Как мне удалось выяснить, такой храм мог существовать, однако я несколько преувеличила добытые мной доказательства. Это было нужно для того, чтобы убедить маму поскорее отправиться в Египет, и я смогла...

4. Возвратить два очень важных артефакта — Шар Ра и Изумрудную табличку — уаджетинам. Это такая тайная организация, о которой ничего не знают даже в Братстве Избранных хранителей. По словам египетского мага Ови Бубу, уаджетины были избраны самими египетскими богами для охраны и защиты древних могущественных артефактов. В этом они похожи на Братство Избранных хранителей.

5. Убедить уаджетинов в том, что я завладела этими артефактами совершенно случайно и не должна понести за это наказание.

6. Убедить их также в том, что, поскольку вернуть эти артефакты меня послал мой друг Ови Бубу, ему следует простить ошибки, из-за которых он был изгнан из общества уаджетинов и из Египта.

7. Выяснить обстоятельства моего появления на свет. Ови Бубу считает, что с этим связан мой необычный дар распознавать следы древней магии и проклятий».

Я внимательно перечитала список. Честно говоря, он выглядел не таким уж длинным, но почему эти семь вроде бы не слишком трудных дел давят на меня так, словно весь мир навалился на мои плечи?

Из стоявшей рядом со мной корзинки раздался негромкий протяжный звук — я настороженно покосилась на маму, увидела, как она предостерегающе поднимает бровь, и быстро дописала в блокнот:

«8. По возможности всегда держать Исиду подальше от мамы».

Я положила карандаш, которым писала, к себе в карман, затем просунула пальцы в щели между прутьями корзинки и пошевелила ими, чтобы пока-

зять Исиде, что я здесь. Нащупав пальцем бархатное ушко, я почесала за ним свою кошку. Исида успокоилась и даже почти замурлыкала. Если учесть, что она вообще крайне редко мурлычет, это почти уже можно было считать большим успехом.

Как же рассердилась мама, когда узнала, что я тайком захватила с собой Исиду! К счастью, к этому времени мы уже плыли посреди моря и поздно было поворачивать назад. Я понимала, что везти с собой контрабандой кошку — не самая удачная затея, и не только потому, что кошка будет досаждать маме. Этого как раз не будет, мы с Исидой давно научились не надоедать моим родителям и даже лишний раз не попадаться им на глаза. Дело, скорее, было в самой Исиде — уж очень она свободолюбивая, а тут ей придется столько времени ехать в тесной корзинке. Я понимала, что Исида будет страдать всю дорогу, пока мы не доберемся до места. Но я знала также, что сама буду страдать еще сильнее, если надолго, на несколько месяцев, расстанусь со своей кошкой. Кроме того, Исида умела каким-то странным образом влиять на людей, и это качество могло оказаться очень полезным в нашем путешествии.

В конце концов, если уж я должна отправляться с опасным заданием куда-то за тысячи километров от дома, от своих друзей и знакомых, могу я иметь при себе хоть одно живое существо, которое без всяких сомнений могу назвать своим союзником? Пусть мама еще спасибо скажет, что я провезла с собой контрабандой кошку, а не Стики Уилла. Правда, я не уверена, что мне удалось бы тайком протащить на пароход двенадцатилетнего уличного мальчишку, умеющего шарить по карманам, — с Исидой и то хлопот было выше крыши.

Вскоре наш поезд завизжал, заскрипел всеми своими железными суставами, задергался, затрясся и наконец остановился у перрона каирского вокзала. От толчка меня швырнуло вперед, и, чтобы не упасть, мне пришлось изо всех сил упереться ногами в пол. Рукой я при этом успела придержать корзинку с Исидой, чтобы не дать ей свалиться с полки.

Сидевшую напротив меня маму прижало спиной к стене. Затем напоследок поезд дернулся еще раз, и теперь вперед швырнуло уже маму — она не успела затормозить и ткнулась головой в мои колени.

Надо отдать маме должное — она быстро выпрямилась, поправила свою шляпку и весело воскликнула:

— Приехали!

— Приехали, — хмуро согласилась я, поправляя корзинку.

— Собирай свои вещи, дорогая. Выходим.

— Да, мама. — Я сняла руку с корзинки и с раздражением отметила, что шелковые шнурки ридикюля снова перехлестнули мое запястье. Должна сказать, что ридикюли — эти модные дамские сумочки на плетеном шнурке — остаются для меня полнейшей загадкой. Интересно и непонятно, каким образом другим леди (кроме меня — неумехи) удается носить ридикюли так, чтобы они не стягивали своими шнурами запястье? Причем затекшая и онемевшая без притока крови рука — это еще полбеды. Добавьте к этому привычку ридикюля на каждом шагу бить вас всей своей тяжестью по ноге, и вы поймете, что это за мерзопакостная штуковина. Я тяжело вздохнула и принялась распутывать пережавшие мое запястье шнуры.

— Что ты делаешь? — спросила мама.

— Сражаюсь с этой проклятой штуковиной, — пробормотала я, глядя на ридикюль, который все быстрее раскручивался на своих шнурках.

— А я думала, что тебе нравится эта сумочка. Если не ошибаюсь, ты буквально умоляла меня ее купить.

Я подавила вздох разочарования. Почему взрослые так долго помнят то, что вам хотелось бы как можно скорее забыть?

— Я просила, потому что не знала, сколько хлебу с ней хлопот.

Если честно, то мне больше всего хотелось не сумочку-ридикюль, а муфту, однако в Египте даже в ноябре слишком жарко, чтобы ходить с ней. А ведь какой замечательный тайник можно устроить в муфте! И всегда надежно держать в руках внутри нее...

— Дай мне, — потянулась к моему ридикюлю мама.

— Нет! — Я резко отдернула назад руку с ридикюлем. — Я должна к нему привыкнуть, иначе до старости не научусь носить сумочку. Мне, главное, понять, как это делается. А если не разобраться с этим сейчас, то когда же мне заниматься этим?

Мама долго смотрела на меня, потом сказала, покачивая головой:

— Твоя бабушка права. Ты необычный ребенок.

Я вздрогнула, как от пчелиного укуса. Необычный? Необычный!

Увидев, что происходит с моим лицом, мама улыбнулась и сказала, желая меня успокоить:

— Не волнуйся, милая. Мы все проходим через непростой период взросления, а потом вырастем, и все становится на свои места.

Однако мысль о том, что я вырасту и стану совершенно не похожей на себя нынешнюю, ни капельки меня не утешила.

А вот радость от нашего путешествия и связанные с ним ожидания куда-то испарились. С одной стороны, мне очень хотелось объяснить маме, почему я на самом деле так необычно веду себя, но с другой стороны, я сильно сомневалась в том, что, узнав об этом, она обрадуется.

Пожалуй, решит еще, что меня вместо Египта следует отправить в сумасшедший дом, когда я расскажу ей, что большую часть своего времени трачу на снятие древних проклятий и следов черной магии с наиболее редких и ценных артефактов лондонского Музея легенд и древностей, которым руководят мои родители. А оставшуюся часть времени провожу в борьбе с различными тайными обществами, желающими заполучить эти самые артефакты для своих грязных целей. Не думаю, что мама найдет нормальными такие причины моего необычного поведения.

Ничего не подозревая о бушующих во мне страстях, мама поднялась и сказала, разглаживая подол своего дорожного платья:

— Бери свои вещи, дорогая. Пойдем.

Из стоящей рядом со мной корзинки раздалось недовольное низкое мяуканье.

— Исиде не нравится, когда ее называют вещью, — пояснила я.

Мама прекратила прихорашиваться и сказала, пронзив меня взглядом:

— Поскольку Исиду в это путешествие не приглашали, мне абсолютно наплевать, что ей нравится или не нравится. Не испытывай мое терпение, Тео.

Это за тебя уже сделали и наше долгое путешествие, и бесконечные задержки. Все, давай на выход.

Подумав вскользь о том, что идея приехать в Египет вместе с мамой была, возможно, не самой лучшей, я взяла в одну руку свой дорожный саквояж, другой подхватила корзинку с Исидой и поднялась на ноги.

— Твой головной убор, — напомнила мама, указывая кивком на мой валявшийся на полке пробковый шлем. Проклятье.

Я поставила саквояж, напялила шлем на голову, снова взяла саквояж, затем вышла вслед за мамой из нашего купе и поковыляла к выходу вдоль узкого тесного прохода.

Выйдя на подножку вагона, я почувствовала легкие следы энергии духов — хека и древней магии, они смешивались в воздухе с валившим от локомотива паром и сажей. Я чихнула, затем сошла на перрон и пошла вслед за мамой — маленький с виду ридикюль при каждом шаге тяжело бил меня по ноге. В ридикюле у меня был спрятан Шар Ра, это он то и дело напоминал мне о том, зачем я здесь, и об обещании, которое я дала лежавшему на смертном одре Ови Бубу. Когда я давала обещание отвезти Шар Ра и Изумрудную табличку в Египет, я действительно верила, что Ови Бубу находится при смерти. Если бы я знала, что на самом деле это не совсем так и что Ови Бубу не умрет от полученных в битве со слугами Хаоса ран, я не стала бы брать на себя такие обязательства — он мог бы и сам приехать в Египет, когда поправится.

При мысли о Змеях Хаоса мне стало слегка не по себе — сразу заныли плечи и захотелось поскорее оказаться за надежными стенами отеля.

— Набир нас встретит? — спросила я, оглядываясь по сторонам и ища в толпе знакомое лицо маминного переводчика.

— Не в этот раз, — ответила мама. — Он сейчас в Луксоре, заканчивает набирать людей в нашу археологическую группу. А здесь, в Каире, мы сами возьмем носильщика и сами доберемся до отеля.

«Сказать легче, чем сделать», — подумала я, пробираясь сквозь густую вокзальную толпу. Я помнила свой прошлый приезд в Каир — тогда здесь, на вокзале, тоже было много людей, но не столько.

— Что они все здесь делают? — спросила я, стараясь перекричать нестройный шум голосов. — Праздник у них, что ли, какой-то?

— Точно не знаю, милая, — ответила мама через плечо, — но на всякий случай старайся не отставать, а то еще потеряемся, не дай бог.

Я просочилась сквозь группу мужчин — все они были одеты в длинные белые балахоны и о чем-то жаростно спорили друг с другом. Неожиданно для самой себя я вдруг поняла, что мне сейчас очень не хватает папы. Вот уж кто умеет пробираться сквозь любую толпу! Конечно, в этом ему очень помогает его трость, но ведь и тростью тоже надо уметь орудовать. Но увы, увы, открывшаяся недавно в нашем музее выставка «Тутмос III — Наполеон Египта» пользовалась такой бешеной популярностью, что Совет директоров ни в какую не разрешил мне поехать вместе с мамой.

Над перроном громко перекатывались незнакомые слова чужого языка, они казались мне сердитыми и недовольными. Мама покрепче ухватила ручку своего чемодана и оглянулась, проверяя, не отстала

ли я. Не скрою, мне было приятно увидеть, что она помнит обо мне и даже волнуется, как бы я не потерялась. Я улыбнулась ей в ответ, а затем снова принялась продирааться сквозь толпу.

Именно в этот момент я и обратила внимание на странного, похожего на жердь человека. Он тоже пытался пробиться сквозь толпу и все время шарил по сторонам глазами, словно выискивал кого-то.

Мне в голову сразу же закрались мысли о Змеях Хаоса. Я посмотрела на маму, пытаясь понять: может быть, она заметила — или даже узнала — этого верзилу? Но мама шла, не сводя глаз с тележки, на которой носильщик вез наши вещи. По-моему, она боялась, что стоит ей отвести взгляд в сторону — и наш багаж навсегда бесследно исчезнет в этой вокзальной толчее.

Я обратила внимание на то, как странно дергает замеченный мной человек своими длинными руками и ногами — словно марионетка на ниточках. Волосы у верзилы тоже были странными, белесыми, словно с них смыли всю краску.

В эту минуту человек увидел нас с мамой. Его взгляд стал сосредоточенным, как у обнаружившего свою цель стрелка, и незнакомец принялся целеустремленно пробиваться в нашу сторону.

Я только еще решала, стоит ли сказать маме об этом человеке, как он уже успел прорезать толпу и выскочил прямо перед нами, как пробка из воды.

Он быстро моргнул своими бледными голубенькими глазками, одернул пиджачок, поправил съехавший в сторону галстук, и теперь я увидела, что белесые волоски растут у него и над верхней губой, обещающая когда-нибудь (о, нескоро, наверное) превра-

титься в некое подобие усов. Он окинул меня быстрым, ничего не выражающим взглядом, а затем с поклоном спросил у моей мамы:

— Миссис Трокмортон?

Я на всякий случай сильнее прижала к себе ридикюль и саквояж.

— Да, а что вам угодно? — вежливо, но очень холодно ответила мама.

— Я Джонатан Бинг из Службы Древностей. Меня послали за вами. Но когда я приехал в отель, чтобы забрать вас, мне сказали, что вы еще не прибыли. Тогда я подумал, что лучше всего встретить вас прямо на вокзале, тем более что сегодня здесь такое... столпотворение, — кивнул он головой в сторону кишаших повсюду египтян.

— Мы очень рады, что вы решили нас встретить, — гораздо теплее сказала мама.

— А что именно здесь происходит? — спросила я, глядя на человека, который взобрался на пустой ящик и с него что-то кричал в толпу.

Мистер Бинг проследил за моим взглядом и ответил, недовольно морща нос:

— Демонстрация националистов. Они требуют выгнать всех англичан из Египта.

— И их довольно много, — заметила мама, которую в это время кто-то толкнул так, что она навалилась на меня. — Вы не будете столь любезны взять вот это? — Мама протянула мистеру Бингу свой маленький дорожный чемоданчик, а затем крепко ухватила меня под локоть.

От прикосновения маминой руки мне сразу стало спокойнее, и окружавшие нас толпы людей стали казаться не такими пугающими.

Взяв мамин чемоданчик, мистер Бинг принялся пробивать им, как тараном, путь сквозь толпу. Мы с мамой двинулись вслед за ним, как баржи за буксиром.

Но поначалу у Бинга не очень-то получалось продвигаться сквозь густое скопление тел, они стеной преграждали нам дорогу.

Со всех сторон нас окружали мужчины в черных одеждах, с тюрбанами на голове. Если бы не крепко державшая мамина рука, у меня, боюсь, могла начаться паника.

Стоявший на ящике человек разразился новым потоком слов, толпа в ответ взорвалась криками и подалась вперед, потянув вслед за собой и нас троих.

— Что он сказал? — спросила я у Бинга. Чтобы он услышал, мне пришлось крикнуть это во весь голос.

— Ничего хорошего, — крикнул в ответ Бинг. Я сердито посмотрела на него. Мистер Бинг принадлежал к худшей, на мой взгляд, разновидности взрослых — к тем из них, кто никогда ничего не объясняет детям.

Тут в меня врезался какой-то высокий бородатый человек и выбил мой локоть из маминой руки. Пара секунд, и я потеряла в толпе и мамино пыльное розовое дорожное платье, и темный пиджак Бинга. Кто-то крепко схватил меня за руку. «Слуги Хаоса», — подумала я, едва не заорала от страха и попыталась вырваться.

Чужая рука еще сильнее, до боли, сжала мой локоть, и раздался крик:

— Сюда!